

Выход в свет нового общего труда по истории латинского языка – всегда событие. Книг такого рода обыкновенно бывает немного, так что долг каждого филолога-классика требует знать их всех поименно. Хочется сразу отметить, что число работ этой тематики, вышедших за последние 15 лет, оставляет самые оптимистические надежды. В нашей стране, традиционно не отличающейся изобилием трудов по классической филологии, за это время произошли такие значительные события, как переиздание капитального сочинения И.М. Тронского [Тронский 2001] (первое за 40 лет), так и появление нового учебного пособия Н.К. Малинауспене [Малинауспене 2001; 2006]. На Западе урожай еще более богатый. В Германии появилась грамматика Г. Майзера [Meiser 1998], представляющая собой новейшую переработку классического труда Ф. Зоммера (1914), в США – сравнительная грамматика Э. Зилера [Sihler 1995] и введение в латинскую филологию Ф. Бальди [Baldi 2002]; в Великобритании за относительно небольшой период вышли в свет два специальных труда Дж.Н. Адамса [Adams 2003; 2007], небольшая книжка Туре Янсона [Janson 2004] и рецензируемая книга Дж. Клаксона и Дж. Хоррокса.

Сочинение Джеффри Хоррокса, профессора классической филологии Кембриджского университета, и его младшего коллеги доктора Джеймса Клаксона, некоторым особым образом выделяется на общем фоне. Это книга не очень большого объема (324 с.), представляющая собой вполне последовательное изложение ряда проблем истории латинского языка. Важно отметить, что выражение «история латинского языка» здесь следует понимать в самом прямом смысле слова: это не историческая грамматика, а именно труд по истории языка (с элементами исторической грамматики), в котором центральное место уделено проблеме латинской литературной нормы, ее становлению и функционированию в латинском мире с древнейших времен и до наступления раннего Средневековья.

Книга делится на восемь глав: 1) «Латинский язык как индоевропейский», 2) «Языки Италии», 3) «Предпосылки к установлению литературной нормы»¹, 4) «Древний латинский язык и его разновидности в период ок. 400–150 гг. до Р. Х.», 5) «Кодификация языка в III–II вв. до Р. Х.», 6) «Элитарный ('Elite') латинский язык в период поздней Республики и ранней

Империи», 7) «Разговорный латинский язык в эпоху империи», 8) «Латинский язык в поздней античности и далее». Как явствует из предисловия (с. vii), центральные главы (3–6) написаны проф. Хорроксом, тогда как все прочие (1, 2, 7 и 8) принадлежат перу Дж. Клаксона.

Стремясь уложить необъятный материал в трехсотстраничную книгу, авторы пошли, как кажется, по вполне разумному пути, выбирая важнейшие и наиболее показательные, на их взгляд, сюжеты и представляя читателю материал скорее в виде сцен, нежели абстрактных процессов. Тем самым в жанровом отношении книга Хоррокса и Клаксона должна была бы по-русски (с поправкой на различия в традиции) называться «Очерками по истории латинского языка» или чем-то подобным этому. Можно отметить, что в этом отношении она идеологически и композиционно (особенно в ранних своих главах) напоминает одноименную работу И.М. Тронского [1953] и в известной степени может рассматриваться как современное дополнение к ней.

Сама книга построена таким образом, что все перечисленные выше восемь глав отличаются известной автономией: каждая из них имеет собственную библиографию, а в предисловии авторы специально указывают на то, что главы могут читаться как выборочно, так и подряд. Своей целью Клаксон и Хоррокс определяют стремление «охватить латинский язык в его целостности от доисторических времен до конца своего существования как языка живых носителей» (с. VII.). При этом авторы стараются воздерживаться от подробного и системного изложения таких отделов латинского языка, как фонология или морфология, отсылая читателя к фундаментальному труду Л. Палмера [Palmer 1954] и специальной литературе (правда не всегда многочисленной), тогда как в центре их внимания постоянно находятся вполне конкретные факты и явления, трактуемые ими как значимые инновации и характерные для того или иного периода процессы.

Вполне очевидно, что такой метод изложения имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К последним будет относиться постоянно высокая вероятность потерять что-нибудь важное или допустить обобщение такого рода, что оно или окажется неправомерным, или (ввиду ограниченности изложенного материала) будет выглядеть неубедительно. С другой стороны, авторы получают редкую возможность детально рассмотреть в рамках общего курса тот материал, который им представляется наиболее значимым.

¹ Вольный перевод лаконичного английского выражения *A Background to Standardization*.

Следует сразу сказать, что рецензируемая книга в изобилии содержит и то и другое, представляя собой чрезвычайно неоднородное явление: «удачно» получившиеся главы соседствуют в ней с «не самыми удачными», а тонкие суждения и порой блистательные объяснения – с малоубедительными построениями, а порой даже и серьезными огрехами.

К бесспорным достоинствам книги, в первую очередь, следует отнести в целом достаточно гармоничное сочетание таких ее качеств, как краткости, предметности и широты охвата материала. Достигается это тем, что авторы стараются показать сущность того или иного языкового процесса на анализе конкретных памятников, многие из которых отнюдь не часто попадают на страницы таких общих пособий. Причем речь идет не о простой иллюстрации того или иного явления ссылками на фрагменты надписей или на показательные места из текстов, но о подробном разборе (в основном) целого памятника с целью выявить в нем те или иные явления. Авторы обширно используют разнообразный эпиграфический материал, большая часть разбираемых текстов имеет пословный комментарий, многие памятники, принадлежащие близкородственным латинскому языкам или относящиеся к сильно далеким от классического состояния эпохам, сопровождаются еще и условным переводом на латинский язык классической нормы. Многие тексты являются совершенно новыми. Здесь хочется особенно отметить один в высшей степени удачно подобранный пример (с. 238): это восковая табличка с долговой распиской некоего полуграмотного жителя Путеол Гая Новия, представляющая собой уникальный памятник тем, что, во-первых, он совершенно точно датирован (15 сентября 39 г. по Р. Х.), а во-вторых, тем, что текст его писан дважды – один раз рукой самого Новия, а другой – рукой профессионального писца. Тем самым этот текст, совсем недавно изданный, дает нам уникальную возможность проанализировать особенности разговорной нормы конкретного места и времени в сопоставлении с литературной нормой этой же эпохи. И хотя трактовка отдельных мест этого текста у Клаксона и Хоррокса не во всем представляется мне убедительной, сам факт использования такого материала не может не вызывать глубокого одобрения.

И это далеко не единственный пример такого рода. Точно так же богато проиллюстрированы эпиграфическими памятниками глава о языках Италии, главы о древнейшем периоде истории латинского языка. К большому сожалению, ни один из этих текстов не приведен ни фотографически, ни даже через прорисовку (как это

сделано, например, в [Baldi 2002]); между тем фотографии важнейших текстов прояснили бы многие слова авторов, разрешили некоторые сомнения у читателей и сильно украсили бы книгу. Вызывает недоумение и практически полное отсутствие содержательных географических карт, в изобилии приведенных, например, в [Adams 2007]. Это, надо сказать, порой очень затрудняет адекватное понимание многих авторских мыслей.

Другая очень похвальная черта «Истории» Клаксона и Хоррокса (особенно наблюдаемая в тех главах, которые писал именно проф. Хоррокс) – это интерес к таким аспектам языка и его истории, которые не всегда (или даже почти никогда) не выносятся для всеобщего обсуждения в пособиях такого типа. Очень приятно отметить, что проблемы синтаксиса интересуют авторов ничуть не меньше, чем морфологии², авторы проявляют редкостный интерес к проблемам ударения, просодики и метрики (хотя, как мы увидим ниже, многие суждения авторов по этим вопросам и оказываются спорным), тщательно выискивают метрические клаузулы – ритмически построенные завершения периодов – в текстах латинской прозы, пытаются в подробностях анализировать устройство сатурнова стиха и т. д.

Наконец, заслуживает большого одобрения и само стремление авторов изложить историю латинского языка и его нормы объективно и беспристрастно, без чрезмерного крена как в излишний формализм и сухую фактографию, так и в околонуточные идеологически окрашенные дискуссии, что, к сожалению, часто бывает свойственно исследованиям такого рода³. Это авторам удастся достаточно хорошо сделать, и картина латинского языка, рисуемая ими, оказывается вполне адекватной тому материалу, на какой они опираются; латинский язык развитой эпохи при всем его великом разнообразии мыслится Клаксоном и Хорроксом вполне единым организмом, им не свойствен экстремизм в подчеркивании принципиальных различий между «элитарной» и «разговорной» нормой (хотя термины эти остаются), педалирование идей ранней римской диглоссии, искусственности литературной нормы и подобных им вещей, которые, увы, слишком часто всплывали (и всплывают) в различных работах именно англоязычной традиции. С другой стороны, само понятие диглоссии и его примени-

² Тогда как во многих книгах по истории латинского языка синтаксиса порой не бывает в принципе.

³ Не избежали этого ни в 1953 г. И.М. Тронский (в своих «Очерках»), ни в 2004 г. Туре Янсон.

мость к латинской языковой ситуации рассмотрены в работе несколько менее подробно, чем хотелось бы. Тщательный разбор различных норм латинского языка, как кажется, требует более строгого их сопоставления между собой с обязательным ответом на вопрос, начиная с какого конкретного времени мы можем говорить о диглоссии в Риме. Вместо этого авторы скорее уклончиво уходят от ответа, подменяя его (в целом правильными) диалектическими рассуждениями о том, что латинский язык с древнейших времен всегда был разным (напр., см. с. 111 и сл.), но при этом он даже в «протороманскую» эпоху все равно оставался единым целым (с. 272).

Как уже было отмечено выше, в книге высказывается ряд идей и соображений, не выглядящих достоверными. Поскольку сам формат общей рецензии налагает существенные ограничения на охват материала, мы попробуем здесь воспользоваться методом изложения самих Дж. Клаксона и Дж. Хоррокса и проиллюстрировать сказанное лишь одним, но весьма показательным примером: мыслями авторов книги о просодии и ударении в латинском языке. Следует еще раз специально подчеркнуть, что тема эта занимает их весьма сильно, и на протяжении книги авторы не раз возвращаются к ней.

Клаксон и Хоррокс придерживаются динамической теории латинского ударения и, надо сказать, делают это совершенно справедливо. Более того, они даже (до некоторой степени) признают реальность морового противопоставления в латинском языке. Однако многие другие их суждения, касающиеся латинских мор и ударений, вызывают существенно меньше доверия. На с. 174 утверждается, что латинский язык имел «strong stress accent» (сильное динамическое ударение), отчего греческая стихотворная система должна была подвергнуться серьезной адаптации к новым условиям. Из текста на с. 93 следует, что ударение в эпоху Плавта могло стоять на четвертом слоге от конца. При этом на с. 135 авторы утверждают, что наиболее достоверным свидетельством о позиции ударения в латинском слове являются именно данные метрики Плавта и Теренция. Наконец, особого внимания заслуживают мысли Клаксона и Хоррокса о проблеме места латинского ударения и теории загадочного сатурнова стиха.

Здесь авторы следуют идеям американца Дж. Парсонса [Parsons 1999], восходящим к не упомянутой в книге метрической теории Р. Армина Местера [Mester 1994] о так называемых «морных трохеях». Теория эта, изначально призванная объяснить природу ямбического сокращения, предполагает, что латинское слово делится на последовательный

ряд трохеических (трехморных) стоп, создающих его естественный ритм. Однако поскольку латинское слово средней длины не всегда состоит из правильных трохесов (а точнее сказать, практически никогда), то под трохеической стопой Местер понимает как трехморную, так и двуморную последовательность, причем явно превалирует вторая: латинское слово должно делиться на последовательные группы [ˉ], [ˉ˘] или [˘], а недопустимостью ямбической стопы объясняется «ямбическое сокращение». Становится очевидным, что теория «морных трохесов» своими корнями уходит в давно известные (и отвергнутые) теории (Бурсье и др.) о склонности латинского слова к четному числу мор. Парсонс (и наши авторы) идут дальше: теория Местера, с некоторыми в меру радикальными изменениями, применяется для объяснения сразу двух явлений: переноса древнелатинского ударения с первого слога на привычную позицию 2/3 слога и, что в высшей степени интересно, параллельно предлагается новая теория ритма древнего сатурнова стиха.

Делается это так (с. 134): 1) последнему слогу латинского слова приписывается некий особый «экстрапросодический» статус, что делает его «невидимым» для определяющих ударение правил⁴; 2) далее все слово слева направо делится на двуморные и одноморные (!) «стопы»: [tem]-[pes]-[ta:]-[ti]-(bus). Далее утверждается, что 1) латинское ударение переносилось с исконной начальной позиции на последнюю двуморную «стопу», лежавшую перед последним слогом (если эта «стопа» не прилежала непосредственно к ударному слогу); 2) слова типа [faci]-[li]-(us) исконно сохраняли ударение на первом слоге, пока не перестроились в fa-[cili]-(us); 3) ритм сатурнова стиха основывался как раз на чередовании ударений, причем таким образом, что представлял собой «искусственную стилизацию» естественного ритма речи, образуемого сменой стоп, потенциально способных быть ударными. Из сказанного понятно, что сатурнов стих, по мнению всех трех авторов, должен был сохранять следы древнего начального ударения. Далее по тексту книги приводится разбор элогии Сципиона, выполненный по описанным правилам (с. 137).

Необходимо сразу сказать, что при всей заманчивости объяснения такого рода, его нельзя признать правильным; сама же теория, отличаясь небывалой эклектичностью, оказывается чрезвычайно легко уязвимой. Этому имеется несколько причин.

⁴ Надо сказать, что мысль об особом статусе последнего слога в латинском языке в целом правильна: см. об этом [Кузнецов 2006: 97–108; Белов 2009: 111 и сл.].

Во-первых, тезис о склонности латинского языка к четному числу мор, лежащий в основе подобных построений, как уже говорилось выше, попросту неверен (об этом см., например [Откупщиков 2001]).

Во-вторых, удивляет крайне нескритичное отношение авторов к самой теории Парсонса. На с. 132 говорится о ее «значительной предсказательной силе»; но если такие слова и могут быть справедливы для теории, объясняющей метрические законы текста с относительно прозрачной ритмической структурой, то это крайне сложно помыслить для такого текста, как сатурнов стих. Надо напомнить, что для многих из памятников, традиционно относимых к сатурновым, мы не можем быть уверены даже в том, представляют ли они собой в действительности стих, и как показали новейшие исследования А.Е. Кузнецова [2009], многие тексты, традиционно включаемые в «сатурнов» корпус, на самом деле не являются стихами.

Еще труднее говорить о конкретных деталях «сатурновой» просодики. Это, конечно, не означает, что их невозможно установить – но это требует от теоретика чрезвычайной осторожности. И действительно: хронология распространения сатурнова стиха не сильно расходится с хронологией стиха ранней комедии, просодика которого достаточно хорошо изучена, а это делает весьма маловероятным распространение на сатурнов метр каких-то принципиально иных просодических правил. Так, идея выделения одноморной стопы вызывает крайнее недоверие: она, во-первых, противоречит самому понятию стопы – об этом см. [Белов 2006; 2009: 97 и сл.], а кроме того, не подтверждается и эмпирическим материалом. Если бы в латинском языке III–II вв. могли встречаться одноморные стопы, то слова типа *senex* (членимые, по Парсонсу, видимо, как [se]-(nec)) могли бы иметь регулярное разбиение между стопами, например, в ямбе. Между тем, Е. Курилович еще в 1949 г. заметил, что членение этих слов на слоги в драматическом стихе чрезвычайно ограничено [Курилович 2000]. Наши недавние и еще не опубликованные исследования показывают, что разбиение этого слова между разными стопами наблюдается в менее чем 10 случаях на весь корпус Плавта: слова такого типа или подвергаются «ямбическому сокращению», или, наоборот, предпочитают становиться в такие позиции стиха, где разбиения их на стопы не требуется. Все это делает, например, членение слова [fu]-(it), легшего в схему на с. 137 точно посередине двух сатурновых «стоп», совершенно недопустимым.

Наконец, описываемая теория не выдерживает критики и в самой простейшей аргумен-

тации: если в языке действительно действуют метрические правила, строго определяющие место ударения в зависимости от структуры слога, то это означает, что ударение является вторичным феноменом по сравнению с моровым ритмом и, тем самым, не само по себе может быть определяющим фактором ритмической организации стиха. Латинское ударение «освободилось» от этой метрической зависимости лишь в начале I в. до Р. Х. Соответственно, никакие акцентные модели сатурнова ритма, – если не принимать, что «акцент» этот опирался на законы принципиально иной природы, а не на моровой вес слога, – не могут быть приняты (ср. также [Белов 2009: 110]); в противном же случае, количественная теория Т. Коула – А.Е. Кузнецова [2006; 2009] все равно остается предпочтительной. Это одновременно подводит нас и к тому выводу, что латинское ударение этого периода никак не может быть «strong stress», а поскольку правила определения фонологического веса слогов в греческом и латинском языке были одинаковы, то не требовалось и никакой (в этом смысле) специальной адаптации греческого метрического стиха к латинским реалиям. Что касается совпадения «иктов» и ударений в стихе, то это может объясняться простой случайностью: правила постановки «икта» в (гексаметрической) стопе и ударения в слове похожи, поэтому интерес представляют как раз те случаи, где этого совпадения не наблюдается [Белов 2009: 132].

На самом деле причины заблуждения авторов в этом вопросе понятны, так как их представление о латинской просодике (даже несмотря на введение в нее моры) все равно находится в плену до сих пор не пережитой в англоязычной традиции акцентно-иктовой теории стихосложения. Отсюда происходит и ложное убеждение в истинности метрического критерия для определения позиции ударения в слове, и ничем не подтвержденная мысль о начальном ударении в *fācilius*. Большую роль в этом сыграл и знаменитый предшественник Клаксона и Хоррокса в изучении латинской просодики кембриджский филолог-классик У.С. Аллен.

Следует отметить и некоторые другие неточности, обнаруженные мной в «Истории латинского языка», способные несколько испортить впечатление от книги.

На с. 10, 12 и 66 полное недоумение вызывает реконструкция $*d^h h_1(k)tó-$ > лат. *factus*, греч. *θετός*. Мы понимаем это так, что Дж. Клаксон, писавший обсуждаемый раздел, предлагает восстанавливать для этого слова индоевропейскую основу с -к-. Но появление в ней формообразующего морфа при таких

устойчивых корреляциях как *ἔθνηκα* : *θετός*, *ἔδωκα* : *δοτός* кажется очень странным, при том, что, например, для глагола *давать* на той же с. 10 ничего подобного не предлагается. В действительности основа с -к- восстанавливается только для праиталийского (и только в виде -*θак-*) [Sihler 1995: § 119]. Надо сказать, что сомнение вызывает и одно лишь сочетание -*эк-* (в транскрипции авторов -*h,k-*), невозможное в таких аористных основах с -к-. (См. также [Белов 2009: 159], где появление *ἄ* в этом корне связывается с действием ударения.) Вообще индоевропейский раздел в книге Клаксона и Хоррокса, пожалуй, получился наименее удачным из всех и композиционно не вполне оправдан. Поэтому читатель, заинтересованный в вопросах об индоевропейских истоках латинского языка, все равно будет вынужден обращаться к упомянутым трудам Э. Зилера, Ф. Бальди и им подобным.

На с. 272 высказывается весьма неожиданная мысль о том, что сочетание смысловозначительной долготы гласного и силового ударения не является «*typologically common*» и склонно к замещению. Это тем более странно слышать от человека, родной язык которого, равно как и многие другие – чешский, немецкий, венгерский, арабский и т. д. – представляет собой именно такой тип. Конечно, объяснение потери оппозиции по долготе у протороманских гласных вполне может быть связано с ударением, но тут в любом случае следует различать несколько этапов, которое латинское ударение прошло: 1) потеря зависимости ударения от моры (I в. до Р. Х.); 2) полная потеря моровой оппозиции (= просодической решетки) латинского слова, приведшая к безморному различению гласных по долготе (III в.), 3) потеря фонологической долготы гласных в конечных слогах и вслед за этим во всех прочих. Как можно понять, процесс этот существенно более сложен и едва ли просто сводим к мнимой типологической несостоятельности сочетания силового ударения и оппозиции по долготе.

Таким образом, взгляды Дж. Клаксона и Дж. Хоррокса по ряду принципиальных вопросов истории латинского языка не всегда выглядят убедительными. Но это может быть свойственно всякой обобщающей книге такого рода и никоим образом не может препятствовать рекомендации ее к прочтению. Как кажется, рецензируемая «История латинского языка» представляет собой весьма полезное сочинение, особенно в тех своих разделах, которые выше были названы «удачными». Особенно уместной она представляется на практических занятиях, связанных с разбором латинских текстов различных эпох, анализом эпиграфического материала и данных древних языков

Италии. Что касается ее общетерминологической ценности, то это уже зависит от конкретного объекта теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов 2006 – А.М. Белов. Ритмические стопы латинского языка: постановка проблемы // Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ. М., 2006.
- Белов 2009 – А.М. Белов. Латинское ударение (проблемы реконструкции). М., 2009.
- Кузнецов 2006 – А.Е. Кузнецов. Латинская метрика. Тула, 2006.
- Кузнецов 2009 – А.Е. Кузнецов. Сатурнов стих как метрическая форма ранней латинской поэзии: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
- Курилович 2000 – Е. Курилович. Принципы латинской и германской метрики // Очерки по лингвистике. М., 2000.
- Малинаускене 2001 – Н.К. Малинаускене. Введение в историю латинского языка. Ч. 1. М., 2001.
- Малинаускене 2006 – Н.К. Малинаускене. Введение в историю латинского языка. Ч. 2. М., 2006.
- Откупщиков 2001 – Ю.В. Откупщиков. О склонности латинского языка к четному числу мор // Opera philologica minora. СПб., 2001.
- Тронский 1953 – И.М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.: Л., 1953.
- Тронский 2001 – И.М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.
- Adams 2003 – J.N. Adams. Bilingualism and the Latin language. Cambridge, 2003.
- Adams 2007 – J.N. Adams. The regional diversification of Latin 200 BC – ad 600. Cambridge, 2007.
- Baldi 2002 – Ph. Baldi. A foundation of Latin. Berlin; New York, 2002.
- Janson 2004 – T. Janson. A natural history of the Latin language. Oxford, 2004.
- Meiser 1998 – G. Meiser. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.
- Mester 1994 – R.A. Mester. The quantitative trochee in Latin // Natural language and linguistic theory. V. 12. 1994.
- Palmer 1954 – L.R. Palmer. The Latin language. London, 1954.
- Parsons 1999 – J. Parsons. A new approach to the Saturnian verse and its relation to Latin prosody // Transactions of the American philological association. 129. 1999.
- Sihler 1995 – A. Sihler. New comparative grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.

А.М. Белов